

Подходы к полисинтетизму

В статье дается обзор подходов к выделению класса полисинтетических языков начиная с первой половины XIX века. Показывается, что большинство предложенных в литературе критериев, предназначенных для противопоставления полисинтетических языков непалисинтетическим, являются недостаточно четкими или дают неоднозначные результаты. По-видимому, наиболее осмысленным оказывается представление полисинтетических языков в качестве неоднородного класса.

Ключевые слова: морфология, синтаксис, морфосинтаксис, морфологическая типология, полисинтетизм, история лингвистических учений.

1. Введение.

Полисинтетизм в первом приближении¹

В отличие от многих других теоретических понятий лингвистики, понятие полисинтетизма – результат осознания языкового разнообразия. Столкновение европейских лингвистических представлений с языками, отличными от тех, на которых они основывались, предполагало формирование особого образа в терминах отличий от европейских языков. Полисинтетизм – один из таких «образов», обязанный своим появлением признанию специфики языков североамериканских индейцев, но впоследствии распространенный и на множество других языков во всех частях света.

Неожиданность типологических характеристик америндских языков для исследователя, привыкшего к картине, наблюдаемой в языках «среднеевропейского стандарта», наглядно проявилась в той экспрессивности, с которой изобретатель термина *полисинтетизм* Питер Дюпонсо докладывал о своих открытиях²:

«Невозможно противостоять захватывающему нас ощущению, что мы находимся среди аборигенов *Нового Света*. Мы обнаруживаем *новый* способ образования сложных слов из разных корней – таковой, что он поражает разум одновременно целым множеством идей, *новый* способ выражения падежей существительных – посредством изменения управляющих ими глаголов, *новое* число (особую множественность), используемое в склонении имен и спряжении глаголов, *новое* согласование по времени союза с глаголом. Мы наблюдаем,

© Ландер Ю.А., 2011

как не только местоимения (как в иврите и в некоторых других языках), но и прилагательные, союзы и наречия сочетаются с главной частью речи и образуют безмерное множество глагольных форм»³.

За прошедшие со времени Дюпонсо почти двести лет полисинтетизм стал описываться менее эмоционально, но по-прежнему не слишком четко. Ср. дефиницию, предложенную Марком Бейкером в научно-популярной книге «Атомы языка»:

«Полисинтетический язык – язык с длинными сложными глаголами, в котором многие грамматические отношения выражаются аффиксами. В полисинтетических языках широко используются согласование и инкорпорация»⁴.

Вероятно, в силу отсутствия достаточно формального определения полисинтетизма иногда при его обсуждении авторы ограничиваются тем, что приводят поражающие воображение примеры полисинтетических словоформ – чтобы читатель смог *прочувствовать* отличия полисинтетических языков от языков непалисинтетических. Ср. примеры (1) из папуасского языка йимас и (2) из адыгейского языка:

- (1) Йимас (семья сепик-раму, Папуа-Новая Гвинея)
paŋkra-kaukauka-kwalca-mpi-kulanaŋ-tal-kia-ntu-ŋkt
1PAUC.S-быстро-вставать-SEQ-идти-начинать-NIGHT-REMOTE.PST-PAUC
‘Мы (несколько) встали и быстро пошли»⁵.
- (2) Адыгейский язык (абхазо-адыгская семья)
sə-qə-ze-re-šha-pə-rə-wəḳ^wereje-č’ə-ž’ə-va-ve-r
1SG.ABS-DIR-REL.IO-INS-ГОЛОВА-LOC-INS-падать-LAT-RE-PST-PST-ABS
‘как я перекувырнулся»⁶

Осмысление полисинтетизма и места полисинтетических языков в лингвистической типологии претерпело со времени Дюпонсо значительную эволюцию и по сути еще не закончилось. В настоящей статье излагаются некоторые основные идеи, лежавшие в основе попыток противопоставить полисинтетические языки непалисинтетическим.

2. Импрессионистические подходы: «сочетание идей»

В свете сказанного выше не так удивительно, что первые попытки определения полисинтетизма носили отчетливо выраженный импрессионистический характер. Термин *полисинтетизм* был введен Дюпонсо в его работе 1819 года, посвященной индейским языкам, где он определяет описываемое явление следующим образом: «когда огромное количество идей выражается

минимальным количеством слов»⁷. Практически та же формулировка повторяется Дюпонсо спустя чуть менее двадцати лет: «Характерная общая черта американских языков состоит в том, что они облачают большое количество идей в форму одного слова; именно это заставило филологов-американистов назвать их полисинтетическими языками»⁸.

Представление о полисинтетическом языке как о языке, объединяющем «множество идей» в одном слове, повсеместно встречалось и далее. Так, часто цитируемое описание полисинтетизма, предложенное Францем Боасом во введении к многотомному изданию «Handbook of American Indian Languages», выглядит следующим образом: «...большое количество разных идей объединено грамматическими процессами и образует единое слово, без всякого морфологического противопоставления формальных элементов и собственно содержания предложения»⁹.

Разумеется, все эти интерпретации во многом зависят от того, что их авторы понимали под «идеями». В наиболее абстрактном смысле приведенные определения можно трактовать как простые утверждения о том, что в полисинтетических языках слово может нести гораздо больше информации, нежели в языках неполисинтетических. По-видимому, впрочем, как для Дюпонсо, так и для Боаса было существенно, что полисинтетическое слово может нести больше *лексической* (а не только грамматической) информации. Дюпонсо говорит об этом эксплицитно, указывая на то, что у полисинтетического глагола «различные формы и грамматические показатели выражают не только собственно действие, но и наибольшее возможное количество духовных идей и связанных с ними физических объектов»¹⁰.

При этом могут иметься в виду два типа явлений: (i) инкорпорация («вложение» зависимого слова внутрь вершинного), (ii) наличие связанных морфологических элементов (аффиксов) со значением, которое обычно ассоциируется с лексикой.

Инкорпорация – явление, достаточно хорошо известное¹¹, – иллюстрируется в (3):

- (3) Чукотский язык (чукотско-камчатская семья)
gəm tə-qora-gənpret-Ø-gʔak
я 1sg.s-олень-охранять-PST-1sg.s
'Я оленей охранял' (букв. 'Я олене-охранял')¹².

Привязка полисинтетизма к инкорпорации (иногда встречаемая до сих пор¹³) отождествляет полисинтетические языки с «инкорпорирующими» языками, выделенными в отдельный тип почти одновременно с полисинтетическими Вильгельмом фон

Гумбольдтом¹⁴. Популярным такое отождествление было в советской лингвистике – так, например, термин «полисинтетические языки» дается как синоним «инкорпорирующих языков» в известном «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 1990 года (при этом, впрочем, также указывается, что «термин “полисинтетические языки” чаще обозначает языки, в к[ото]рых глагол может согласовываться одновременно с неск[олькими] членами предложения») ¹⁵. Между тем подобное отождествление совсем не очевидно и по сути так же импрессионистично. Во-первых, при обсуждении инкорпорации осмысленно включать в круг рассматриваемых явлений и некоторые конструкции, наблюдаемые в заведомо не полисинтетических языках – например, включение пациенса в комплекс, образуемый глаголом и грамматическими частицами, в аналитических океанийских языках и даже, возможно, такие явления как падежная неформленность, распространенная в самых разных языках мира ¹⁶. Во-вторых, имеются языки, обычно признаваемые полисинтетическими, в которых продуктивная инкорпорация отсутствует. Таков, в частности, цитировавшийся выше адыгейский язык. Следует также заметить, что в XIX веке понятия «полисинтетизм» и «инкорпорация» нередко противопоставлялись: под полисинтетизмом понимались те аспекты построения сложных словоформ, которые включали разнообразные служебные элементы, в то время как инкорпорация представлялась как взаимодействие слов, которые могут выступать в синтаксисе и независимо ¹⁷.

Аффиксы, имеющие «лексическое» значение, наблюдаются, например, в вакашских и эскимосских языках. В эскимосских языках есть так называемые *аффиксальные глаголы* – связанные аффиксы, функционально аналогичные инкорпорирующим глаголам в других языках (4); в вакашских языках имеются так называемые *лексические аффиксы*, функционально аналогичные инкорпорируемым именам в других языках, но при этом имеющие форму, совершенно отличную от «синонимичных» им имен (5) ¹⁸.

(4) Западногренландский эскимосский (эскимосско-алеутская семья)

cykili-si-taar-niar-p-u-nga
велосипед-получить-новый-хотеть-IND-[-TR]-1SG
'Я хочу новый велосипед'¹⁹.

(5) Колумбийский (венатчи) (салишская семья)

a.	katʔálk ^w n	ʔísntq ^w útn
	kat-ʔálk ^w -n-t-∅-n	ʔís-n-ʔq ^w útn
	LOC-чинить-CTR-TR-3.O-1SG.S	POSS-LOC-кровать
	'Я починил свою кровать'.	

б. **kat-ʔálk^w-lúp**
ЛОС-чинить-кровать
'чинить кровать'²⁰

Можно думать, что именно подобные явления подразумевались учеником Ф. Боаса Эдвардом Сепиром, когда он описывал полисинтетизм следующим образом: «Значения, которые мы никогда бы не подумали трактовать как подчиненные, символизируются деривационными аффиксами или “символическими” изменениями корневого элемента, а наиболее абстрактные понятия, включая синтаксические отношения, также могут быть выражены в корне»²¹. Первая часть этого описания фактически говорит как раз о морфологически связанных элементах, имеющих (в европеизированном представлении) нестандартное для граммема значение. Тем не менее фактически это явление, по-видимому, осталось все же довольно маргинальным для теоретиков полисинтетизма.

В настоящее время многие исследователи не ограничивают полисинтетизм языками с инкорпорацией или аффиксами с лексическими значениями, а некоторые из определений, обсуждаемых ниже, не принимают во внимание эти явления вовсе. В этой связи, однако, стоит сказать об одной из современных дефиниций полисинтетизма, используемой в работах Джоанны Матисен. Она определяет полисинтетические языки через следующие два критерия:

«(i) существование состоящих из нескольких морфем сложных глагольных форм, которые допускают наличие компонентов-некорневых связанных морфем с вполне «лексическим» значением и (факкультативно) конкатенацию лексических корней;

(ii) эти компоненты выражают несколько из следующих категорий: классификация и квантификация событий или участников, «обстановка» (например, 'ночью'), место или направление, движение, инструмент (например, 'рукой'), образ действия ('вытягивая', 'быстро'), модальность (включая эвиденциальность), степень, скалярные значения ('только', 'также') и фокус, последовательность событий (например, 'сначала', 'снова'), а также обычные категории вроде актантной деривации, залога, ядерных участников, время, вид (фазу), наклонение и полярность»²².

Это определение полисинтетизма проистекает из того же образа «сочетания идей» в рамках одного слова. Легко заметить, впрочем, что многие из категорий, перечисленных во второй части дефиниции, допускают морфологическое выражение и в неполисинтетических языках (например, в русском) и, соответственно, она не вычленила исключительно полисинтетические языки.

Говоря о «сочетании идей» – выражении большей информации в границах слова – следует упомянуть еще одну точку зрения, в отличие от предыдущих, ограничивающую явление полисинтетизма грамматическими (а не лексическими) значениями. А.А. Кибрик определяет полисинтетизм как «выражение грамматических значений исключительно или преимущественно посредством аффиксации (использования служебных морфем – суффиксов, префиксов и т.д.), а не посредством служебных слов»²³. Так полисинтетизм понимается по меньшей мере редко, возможно, поскольку подобное описание исключает из полисинтетического типа множество языков со сложной морфологией, которые при этом достаточно широко используют послелого и союзы; это, кстати, относится и к изучавшимся Кибриком атабаскским языкам.

Существует еще одна особенность полисинтетических языков, имеющая непосредственное отношение как к представлению о «сочетании идей», так и к концепции А.А. Кибрика. Еще начиная с XIX века регулярно подчеркивается, что слово (конкретнее – глагол, предикат) в полисинтетических языках может функционировать как целое предложение и, наоборот, предложение может быть выражено одним словом. Примечательно, что последнее свойство фактически явилось определяющим для инкорпорирующих языков у В. фон Гумбольдта, который описывает способ инкорпорирования следующим образом: «Он заключается в том, чтобы рассматривать предложение вместе со всеми его необходимыми частями не как составленное из слов целое, а, по существу, как отдельное слово»²⁴. В 1853 году Фрэнсис Либер предложил для выражения целой пропозиции одним словом термин «голофразис» (holophrasis)²⁵, который в дальнейшем предлагалось использовать для объединения инкорпорации и (других) полисинтетических явлений²⁶. Концепция слова-предложения активно использовалась и при обсуждении полисинтетических языков в Советском Союзе. Так, например, И.И. Мещанинов говорит о слове-предложении преимущественно в отношении высказываний с инкорпорацией²⁷, хотя в монографии «Глагол» приводит и неинкорпорирующие синтетические языки, демонстрирующие это явление. Впрочем, он отмечает, что, во-первых, «законченность высказывания, передаваемого одним словом, вовсе не является обязательным признаком инкорпорирования» и, во-вторых, «законченное высказывание может быть выражено одним словом даже во флективных языках», в которых нет «синтеза» и инкорпорации²⁸.

В настоящее время это свойство полисинтетического слова даже иногда берется в основу определения полисинтетизма. Ср. следующее утверждение известных типологов Н. Эванса и Х.-Ю. Сассе:

«...прототипический полисинтетический язык – язык, в котором возможно в пределах одного слова использовать морфологические процессы для передачи информации как о предикате, так и обо всех его актантах для всех основных типов предикаций <...> до такой степени, что это слово может выступать в качестве самостоятельного высказывания без опоры на контекст»²⁹.

Как мы увидим в разделе 4, представление о слове-предложении сыграло заметную роль в осмыслении полисинтетизма. Тем не менее простое применение этого представления также не дает хороших результатов в противопоставлении полисинтетических языков и непалисинтетических, поскольку оно подходит и для некоторых языков, которые традиционно полисинтетическими не признаются – например, картвельских³⁰.

Интересное следствие использования представления о слове-предложении состоит в том, что полисинтетическая глагольная словоформа должна допускать полиперсональность (индексацию нескольких актантов³¹). Ср. сказуемое в (6):

- (6) Абхазский язык (абхазо-адыгская семья)
jə-abaza-w də-wə-dər-wa-ma ?
3/REL.ABS-абазинец-PRS 3SG:HUM.ABS-2SG:M.A-знать-PRS-Q
‘Знаешь хоть кого-нибудь из абазинцев?’

Однако и связь полиперсональной индексации с полисинтетизмом не очевидна. Даже если считать это условие необходимым (что тоже сомнительно), оно, конечно, не является достаточным для определения полисинтетизма – существует немало непалисинтетических языков с полиперсональной индексацией³².

3. Формальный подход: морфологическая сложность

С самого начала изучения полисинтетических языков особое внимание обращалось на их исключительную морфологическую сложность. В результате с некоторых пор она стала иногда восприниматься в качестве определяющей для полисинтетизма. Так, еще более ста лет назад Генри Свит определял полисинтетизм следующим образом: «Многие из агглютинативных языков крайне полисинтетичны, т.е. они позволяют присоединять к одному слову практически неопределенное количество словообразовательных и словоизменяемых морфем, как, например, когда турецкий [глагол] *sev* ‘любить’ образует не только простой инфинитив *sev-mek*, но и таких монстров как *sevişdirilememek* ‘не мочь быть заставленным полюбить друг друга’»³³ (примечательно, что в данной

цитате полисинтетизм проиллюстрирован примером из турецкого языка, который обычно к полисинтетическим не причисляется).

Определение полисинтетизма через морфологическую сложность слова по сути привело к тому, что он стал частью более общей типологической схемы, располагающей языки на шкале в соответствии с их морфологической сложностью: АНАЛИТИЗМ > СИНТЕТИЗМ > ПОЛИСИНТЕТИЗМ³⁴. Оно же стало стимулом для одной из наиболее известных попыток уточнить понятие полисинтетизма. В 1954 году Джозеф Гринберг предложил определить полисинтетические языки как языки, для которых индекс синтеза – отношение числа морфем к числу слов – выше или равен 3,0 (для сравнения: индекс синтеза для аналитического языка вроде вьетнамского укладывался в интервал 1,00–1,99, а индекс синтеза синтетического языка вроде русского – 2,00–2,99)³⁵.

Существенно, что этот подход связывает полисинтетизм не с потенциальной сложностью слова, а с конкретно наблюдаемыми явлениями в тексте. Так, когда, например, исследовательница североамериканских языков Марианна Митун определяет полисинтетические языки как «языки, демонстрирующие высокое количество морфем на одно слово»³⁶, а А.А. Кибрик говорит (вслед за Гринбергом) о том, что полисинтетизм «проявляется в виде большего количества морфем, в среднем приходящихся на слово, по сравнению с межъязыковым “стандартом”»³⁷, это фактически предполагает подсчет индекса синтеза для конкретных текстов. Нельзя не отметить, что это делает квантитативный подход к полисинтетизму уязвимым, поскольку индекс синтеза предположительно может довольно сильно различаться в зависимости от жанра, типа существования текста (устные тексты vs. письменные тексты) и даже носителя языка (например, носители адыгейского языка отличаются между собой по способности строить некоторые сложные словоформы³⁸).

Коме того, подобный подход к определению полисинтетизма фактически ограничивает его, во-первых, языками с конкатенативной (линейно упорядочиваемой) морфологией и, во-вторых, преимущественно агглютинативными языками. Требование конкатенативности впоследствии привело к формированию представления о полисинтетических языках как о языках со вполне определенным типом морфологии (см. раздел 4.2). Требование агглютинативности осознавалось еще во времена Свита, как видно из приведенной выше цитаты; впоследствии, полисинтетизм также описывался как высшая степень агглютинации³⁹. Однако языки, традиционно признаваемые полисинтетическими, допускают отклонения как от принципа конкатенации, так и от канонической агглютинации⁴⁰.

Ю.А. Ландер

Это касается, например, тех же атабаскских языков, в которых морфемные швы очевидны не всегда⁴¹. Это же видно и из приведенного выше описания полисинтетизма Сепиром, включающим в число релевантных признаков «символические» изменения корневого элемента, то есть неконкатенативные чередования.

У определения полисинтетизма через формальную сложность есть еще один недостаток. Как правило, понятие полисинтетизма коррелирует с типом языка по параметру локуса маркирования. Этот параметр противопоставляет зависимостное маркирование (когда синтаксическое отношение выражено в зависимом элементе, например, при падежном маркировании), вершинное маркирование (когда синтаксическое отношение выражено в вершине, например, согласование глагола), двойное маркирование (фактически сочетание вершинного и зависимостного маркирования) и отсутствие маркирования⁴². Полисинтетическими считают преимущественно языки с доминирующим вершинным маркированием. Так, Дж. Николс говорит о том, что полисинтетические языки возникают из языков с умеренным вершинным маркированием при прикреплении дополнительных элементов к вершине⁴³; таким образом, она фактически считает полисинтетические языки высшим проявлением вершинного маркирования⁴⁴. В какой-то степени параметр локуса маркирования коррелирует с морфологической сложностью: особо сложные глаголы присутствуют прежде всего в языках с доминирующим вершинным маркированием, которое позволяет выражать на сказуемом ряд категорий, в других языках выражаемых на зависимых элементах⁴⁵. Между тем некоторые языки зависимостного маркирования также иногда допускают исключительно сложную морфологию. Ср., например, следующий пример из австралийского языка каярдид, допускающего присоединение к имени нескольких падежных суффиксов:

(7) Каярдид (тангская семья)
ngada yalawu-jarra yakuri-na thabuju-karra-nguni-na mijil-nguni-na
я ловить-*PST* рыба-*ABL* брат-*GEN-INS-ABL* сеть-*INS-ABL*
'Я поймал рыбу сетью брата'⁴⁶.

Существенно, что морфология такого рода обычно полисинтетической не признается.

4. Интерпретирующие подходы

Во второй половине XX века стали появляться подходы к полисинтетизму, пытавшиеся осмыслить особенности полисинтетических языков с теоретической точки зрения. Во многом это было

связано с активным развитием типологии: сходства и различия между языками более не могли оставаться исключительно импрессионистическими, но нуждались в осмыслении, а само это осмысление было возведено в ранг научной задачи.

В это же время благодаря введению в научный оборот материала множества ранее не затрагивавшихся языков были выявлены некоторые нетривиальные сходства между полисинтетическими языками – наличие особых конструкций (таких, как, например, относительные конструкции со вложенной вершиной⁴⁷) и нарушения законов анафоры, выдвинутых для европейских языков⁴⁸. Все это вызвало попытки построения общих теорий полисинтетизма – теорий, которые могли бы *предсказать*, в чем именно с точки зрения конкретных лингвистических параметров полисинтетические языки отличаются от неполисинтетических. В этом разделе рассматриваются две таких идеи.

4.1. Полисинтетизм и (морфо)синтаксис

Выше указывалось, что одним из импрессионистических признаков полисинтетического языка является способность глагольной (или в целом – предикатной) словоформы выступать в качестве полноценного предложения и что полисинтетическая предикатная словоформа в норме содержит базовую информацию о всех семантических актантах, выражаемую посредством личных показателей. Как следствие, в трактовках полисинтетизма возникла идея считать такие личные показатели собственно актантами предиката, что, как аргументировалось, могло иметь принципиальные последствия для всей структуры предикации.

Считается⁴⁹, что основоположником трактовки личных показателей как актантов явился Вильгельм фон Гумбольдт, который предложил анализ личных показателей в ацтекском языке как инкорпорированных местоимений⁵⁰. Тем не менее, по-видимому, можно утверждать, что действительные импликации подобной трактовки были выявлены лишь в 1970-е и 1980-е годы.

Основатель «референциально-ролевой грамматики» Роберт Ван Валин, исследовавший грамматику индейского языка лакота (семья сиу), в конце 1970-х годов пришел к выводу, что в этом языке основные грамматические правила, связанные с актантами, применяются не к свободным именованным группам, а к личным показателям⁵¹.

В генеративной лингвистике аналогичная идея была предложена Элоиз Джелинек. Впервые она выдвинула подобную трактовку при обсуждении неполисинтетического австралийского языка вальпири (семья пама-ньюнга), который, как было показа-

но в известной статье Кена Хэйла 1983 года⁵², характеризовался неконфигурационностью – удивительной (по крайней мере для носителей английского языка) свободой синтаксиса, допускающей свободный порядок слов, разрывные составляющие и т.д. Джелинек, уже тогда работавшая с североамериканскими языками, в ответной статье 1984 года⁵³ указала, что многие свойства вальпири могут быть объяснены, если принять допущение, что актантные отношения в этом языке выражаются исключительно морфологически (точнее – местоименными клитиками), а именные группы (и другие типы составляющих) не выполняют актантной функции и, следовательно, в значительно меньшей степени связаны ограничениями, касающимися построения предикатно-аргументного ядра⁵⁴. Впоследствии Джелинек продолжала разрабатывать эту идею на материале полисинтетических языков (в первую очередь салишских и атабаскских), также демонстрирующих признаки синтаксической неконфигурационности⁵⁵.

Теория Джелинек, получившая название «гипотезы местоименных актантов» (*pronominal argument hypothesis*) – поскольку личные показатели, выступавшие в качестве актантов считались ею аналогами местоимений, – получила большую популярность в генеративистских описаниях полисинтетических языков⁵⁶. Но наибольшую известность среди работ, продолжающих исследования Джелинек, получила теория Марка Бейкера.

Бейкер, специализировавшийся на алгонкинском языке могок, защитил диссертацию по инкорпорации, опубликованную в 1988 году⁵⁷. В 1996 году Бейкер опубликовал свой знаменитый труд «Параметр полисинтетизма»⁵⁸, в котором он объединил некоторые собственные идеи, касавшиеся инкорпорации, с предложениями Джелинек. Действуя в рамках одной из версий генеративной грамматики – теории принципов и параметров – Бейкер предложил считать, что единственное релевантное отличие полисинтетических языков от непалисинтетических состоит в том, что полисинтетизм требует обязательного выражения актантной структуры в морфологии предиката. При этом, используя ряд допущений (отнюдь не общепринятых и в значительной степени привязанных к конкретным направлениям генеративизма), Бейкер вывел из указанной особенности множество специфических требований, которым должен был удовлетворять полисинтетический язык, в частности, наличие синтаксической инкорпорации, свободное опущение именных групп, отсутствие свободных (морфологически не связанных) возвратных местоимений, отсутствие приименных кванторных выражений, обязательное передвижение вопросительных слов в начало предложения, маркирование

в имени свойств его референта, согласование имени с посессором, морфологический каузатив, отсутствие инфинитивов и т.д.

Бейкеру удалось (пусть и в рамках конкретной теории) четко очертить полисинтетизм. Но, как отмечали его критики, он сделал это, пожертвовав множеством языков, которые традиционно описывались как полисинтетические, но не укладывались в его представления о полисинтетизме, например, эскимосскими⁵⁹. Кроме того, после выхода книги Бейкера были опубликованы работы, в которых показывалось, что даже языки, признававшиеся им полисинтетическими, не всегда следовали его предсказаниям⁶⁰. В то же время стали появляться и работы, которые ставили под сомнение верность гипотезы местоименных актантов вообще; при этом основной критике подверглась «местоименность» личных показателей. Например, Николас Эванс продемонстрировал, что поведение и функции личных показателей в явно полисинтетическом языке пининь кун-уок (семья гунуиньгу; Северная Австралия) принципиально отличаются от поведения и функций личных местоимений в европейских языках⁶¹. То же легко показать и для некоторых других полисинтетических языков: так, абхазский пример (б) выше явно демонстрирует, что морфологические индексы в сказуемом не обязаны отсылать к какому-либо конкретному объекту универсума дискурса – в отличие от обычных личных местоимений. С другой стороны, совсем не очевидно, что личные показатели, выражающие актанты, должны в точности копировать свойства свободных местоимений.

Так или иначе, нельзя отрицать, что местоимения могут выступать в морфологически связанной форме, а значит, наличие связанного личного показателя не обязательно указывает на согласование с актантом, но может выражать сам актант⁶². Однако возможность использования одного лишь этого критерия для выделения более или менее гомогенного языкового типа сомнительна. Кроме того, скорее всего такой тип – даже если и имеет смысл его выделять – не будет в точности совпадать с кругом языков, традиционно причисляемых к полисинтетическим.

4.2. Полисинтетизм и морфология

Другая попытка выделить особенности полисинтетических языков связана не столько с наблюдаемым в них взаимодействием морфологии и синтаксиса, сколько с особенностями собственно полисинтетической морфологии.

На протяжении долгого времени одной из характеристик многих полисинтетических языков считалась фактическая необходимость построения сложной матрицы (template), приписывающей

морфемам фиксированное место в словоформе⁶³. Такое описание фактически настаивает на произвольности порядка морфем⁶⁴. Хотя матричные описания продолжают использоваться для некоторых полисинтетических языков⁶⁵, в нынешних научных парадигмах предпочтительным должно быть описание, предполагающее бóльшую мотивированность порядка полисинтетической морфологии.

Сложность морфологии в полисинтетических языках ставила под сомнение применимость к ним традиционного для европейской лингвистики противопоставления словоизменения (парадигматически упорядоченного формообразования) и словообразования (добавления новых лексем в словарь) – просто потому, что описание в этих терминах предполагало бы существование в полисинтетических языках слишком больших парадигм или же существование в этих языках слишком большого количества лексем⁶⁶.

Выходом из этого положения стало постулирование в некоторых работах дополнительного типа морфологии, противопоставленного как словоизменению, так и словообразованию и не связанного с фиксированными морфологическими позициями. Так, в 1980-е годы для языков кечуа (проявляющих по крайней мере отдельные признаки полисинтетизма) Питер Маускен предложил противопоставить «лексическую» морфологию (более или менее соответствующую словообразованию), словоизменительную морфологию и так называемую «синтаксическую морфологию»⁶⁷. Последняя оказывалась специфична для агглютинативных языков типа кечуа и проявляла очевидные характеристики, сближавшие ее с синтаксисом – такие, как семантически обусловленное варьирование в порядке единиц (в данном случае – аффиксов):

- Кохабамба кечуа (семья кечуа)
- (3) riku-chi-na-ku-n-ku
смотреть-CAUS-REC-REF-3-PL
'Они заставили друг друга посмотреть на них'.
- (4) riku-na-ku-chi-n-ku
смотреть-REC-REF-CAUS-3-PL
'Они заставили их посмотреть друг на друга'⁶⁸.

Идея о «синтаксичности» полисинтетической морфологии – т.е. об имеющейся у такой морфологии возможности легко достраиваться по семантически композиционным правилам (правилам, устанавливающим зависимость функции аффикса от его взаимодействия, в том числе и позиционного, с другими морфемами) – стала основной в трактовке атабаскских языков, предложенной Керен Райс⁶⁹. Ее работы, аргументировавшие семантическую упорядоченность атабаскских морфем, особенно примечательны тем, что как

раз атабаскские языки являлись одним из эталонов матричной морфологии: порядок морфем в них «сопротивлялся» описанию через порядок деривации словоформы и, на первый взгляд, нарушал многие законы, касающиеся упорядочивания словоизменительных и словообразовательных морфем⁷⁰. Правда, идеи Райс остались не принятыми многими специалистами по атабаскским языкам⁷¹ – возможно, отчасти в силу устоявшейся традиции. Следует, впрочем, специально отметить, что основные свои выводы Райс сделала, сравнивая разные языки этой группы, а не описывая какой-либо один (это принципиально важно, поскольку только сравнение языков позволило ей продемонстрировать вариативность порядка морфем).

Наконец, в новом издании авторитетной «Энциклопедии языка и лингвистики», вышедшем в 2006 году, статья о полисинтетических языках фактически сводилась к описанию особенностей подобной «синтаксической» морфологии⁷². Автор статьи, Виллем де Рейзе, выделил сразу несколько критериев, противопоставлявших данный тип морфологии (названный им «продуктивной несловообразовательной конкатенацией») словоизменению и словообразованию и сближавший ее с синтаксисом; в числе этих критериев оказались продуктивность, рекурсивность (допустимость применения морфологической операции к единице, уже содержащей результат применения такой операции)⁷³, семантически мотивированная вариативность в порядке морфем и т.д. Сам де Рейзе обосновывал применимость этих критериев в первую очередь к (несловоизменительной) морфологии эскимосских языков. В то же время, по-видимому, они действуют и для многих других полисинтетических языков⁷⁴.

Выделение специального типа морфологии, свойственного полисинтетизму, создает соблазн использовать его для определения данного явления (как это фактически сделано редакторами указанной энциклопедии), тем более, что подобные особенности полисинтетической морфологии отмечались и ранее (в том числе в работах М. Бейкера⁷⁵). Тем не менее и этот признак, безусловно, не является необходимым и достаточным для выделения полисинтетизма в отдельный класс:

(i) во-первых, выделяемый им тип морфологии встречается и в неполисинтетических языках, хотя в них он, по-видимому, распространен гораздо меньше,

(ii) во-вторых, не очевидно, что все полисинтетические языки активно используют морфологию такого типа; в частности, де Рейзе сам отказывается в данном типе морфологии исследованным им атабаскским языкам, хотя он и не считает их «достаточно полисинтетическими»⁷⁶.

Не исключено, что не все критерии де Рейзе являются обязательными и в основе особенностей полисинтетической морфологии может лежать то, что она позволяет свободное конструирование словоформ⁷⁷. Тем не менее такие утверждения нуждаются в дополнительных обоснованиях.

5. Полисинтетизм как неоднородное явление

Итак, попытки дать полисинтетизму определение, скольконбудь точное и имеющее ценность более описательной, закончились неудачей. В этой связи естественными стали типологические исследования, которые сконцентрировали внимание не столько на предполагавшемся единстве полисинтетических языков, сколько на их разнообразии.

Майкл Фортескью в 1994 году⁷⁸ предложил выделить некоторый кластер свойств, характеризующий прототипический полисинтетизм, и затем описывать разнообразие полисинтетических языков, исходя из наличия/отсутствия в конкретном языке того или иного свойства. Прототипический полисинтетизм по Фортескью выглядит следующим образом:

- (a) инкорпорация имени или прилагательного,
- (b) большой инвентарь связанных морфем,
- (c) глагол, функционирующий как минимальная самостоятельная предикация,
- (d) личные показатели в глаголе (по крайней мере показатели субъекта и объекта) и в имени (показатели посессора),
- (e) интегрированные в глагол адвербиальные элементы,
- (f) наличие в словоформе большого количества «слотов», заполняемых морфемами,
- (g) продуктивные морфонологические правила и возникающий в результате них сложный алломорфизм как связанных, так и свободных морфем,
- (h) неконфигурационный синтаксис,
- (i) вершинное (или двойное) маркирование.

Основанная на прототипе организация постулируемого класса полисинтетических языков позволяет обсуждать в связи с полисинтетизмом и языки, прежде в этой связи либо не упоминавшиеся, либо (парадоксальным образом) упоминавшиеся как неполисинтетические. Так, например, признаки полисинтетизма обнаруживаются теперь уже и в некоторых европейских языках, например, в разговорном французском⁷⁹ и греческом⁸⁰ (еще ранее их начали регулярно обнаруживать в жестовых языках⁸¹). Более

того, подобный подход, по-видимому, позволил выйти на диахронический аспект полисинтетизма – развитие полисинтетического языка из неполисинтетического или, наоборот, неполисинтетического языка из полисинтетического⁸².

М. Фортестью предлагается объяснять через диахронию и неоднородность языков, которые традиционно признаются полисинтетическими⁸³. В частности, он говорит о языках с более молодым полисинтетизмом (таков, например, чукотский) и о языках с более старым полисинтетизмом (таков, в частности, вакашский язык нутка), перечисляя некоторые признаки, указывающие в сторону новизны или архаичности рассматриваемого явления.

Сходная типология полисинтетических языков предлагается в работах Дж. Маттисен⁸⁴, которая, говоря о выражении «относительно лексических значений» (см. раздел 2), берет в качестве принципиальных критериев наличие в языке именной инкорпорации, а также сложных глаголов, содержащих более одного глагольного корня. В результате у Маттисен возникает шкала полисинтетических языков, на одном полюсе которой стоят языки с инкорпорацией и сложными глаголами, на другом – языки без инкорпорации или сложных глаголов, а между ними – языки, в которых есть либо только инкорпорация, либо только сложные глаголы. Как можно заметить, данная шкала оказывается в некотором смысле сходной с предложенной Фортестью. При этом, однако, полисинтетизм у Маттисен фактически предстает не в качестве прототипически организованной категории, а в качестве категории, основанной на «фамильном сходстве».

Осознание неоднородности полисинтетических языков замечательным образом сделало само это понятие имеющим гораздо больший смысл, поскольку позволило применять его без оглядки на исключения.

6. Эволюция восприятия полисинтетизма и ее отсутствие

Обобщая наблюдаемое развитие восприятия полисинтетизма, можно сделать несколько наблюдений.

1. Как указывалось в начале работы, образ полисинтетизма возник в результате столкновения лингвистов, «воспитанных» на европейских языках, с языками, кардинально отличающимися от европейских. Думается, что этот факт в значительной степени повлиял на судьбу этого понятия.

Во-первых, «выпяченность» отличий поначалу позволяла избежать их теоретического осмысления, что делало все исходные определения полисинтетизма крайне импрессионистичными. При отсутствии внятного и достаточного определения во многом эта импрессионистичность сохранилась до сих пор. Знание о полисинтетизме фактически на протяжении уже почти двух столетий передается не через факты и точные дефиниции, а через некоторый образ – образ, невозможный без знания другого образа, образа европейских языков, от которых исследователи отгалкивались сначала. Это тем более интересно с учетом того, что европейские языки вовсе не находятся на другом конце шкалы синтеза.

Во-вторых, «экзотичность» полисинтетических языков, их кажущаяся уникальность (опять же – в сравнении с во многом по-настоящему типологически девиантными европейскими языками) способствовали тому, что это понятие не рутинизировалось и даже в отсутствие четкого определения продолжало вызывать интерес и сохранять определенный вес в типологических классификациях.

В этой связи особый интерес вызывает то, что в конце концов с точки зрения полисинтетизма начали описываться и некоторые языки Европы. Это, безусловно, стало возможным лишь после того, как полисинтетизм получил достаточно гибкое, но в то же время и более четкое и наименее импрессионистическое понимание. Таким образом, в некотором смысле исследование данного явления происходило в неожиданном направлении – от более далекого и менее доступного для изучения к более близкому и более доступному. Впрочем, не исключено и то, что описания некоторых европейских языков как полисинтетических сами по себе являются попыткой неординарного взгляда на известные вещи, вовсе не связанного с уменьшением «экзотичности» полисинтетизма.

2. Несмотря на то, что некоторые подходы к полисинтетизму (в первую очередь подход М. Бейкера) выглядят как сильно привязанные к конкретной теории, этому понятию удалось в минимальной степени почувствовать на себе влияние «научных революций», наблюдаемых в лингвистике (в особенности в последние сто лет). Это, вероятно, также связано с упомянутой выше импрессионистичностью восприятия полисинтетизма. При этом, однако, осмыслению этого явления, несомненно, способствовал наблюдаемый в последние десятилетия отказ от жесткого противопоставления синхронных и диахронических исследований в типологии.

В большей степени, нежели смены научных парадигм, на восприятие полисинтетизма повлияли, во-первых, активный рост количества привлекаемого материала, связанный с пробуждением

теоретического интереса к малым языкам, и, во-вторых, собственно развитие типологических методов. Что касается привлечения нового материала, то его значимость была показана еще в статье Дж. Хьюита 1893 года, где указывалось на то, что «отец полисинтетизма» Дюпонсо в действительности делал свои выводы на ограниченном количестве языков, в результате чего все его конкретные заключения оказались нивелированы⁸⁵. Типологические исследования в свою очередь способствовали тому, что полисинтетизм стал изучаться без оглядки на конкретные ареалы (в первую очередь на ареал Северной Америки) и, кроме того, потребовал себе места в общих типологических схемах.

3. Видимая расплывчатость импрессионистического понимания полисинтетизма привела к тому, что при попытке теоретического осмысления это понятие потребовало уточнения. Если квантитативный подход к полисинтетизму можно понимать в лучшем случае как попытку рабочего определения, то интерпретационные подходы в действительности выявили множество нетривиальных корреляций и, возможно, и определенные значимые лингвистические типы, которые, правда, не совпадали с кругом явлений, трактуемых как полисинтетизм. Определенного успеха в осмыслении полисинтетизма фактически удалось добиться только при осознании расплывчатости его границ и неоднородности класса полисинтетических языков. Фактически вместо интерпретации сходства полисинтетических языков для их утверждения понадобилась интерпретация их различий и обоснование аморфности данного класса.

В этой связи имеет смысл особенно указать на роль исключений в построении теорий. Фактически все теории, пытавшиеся трактовать полисинтетические языки как единый и ограниченный класс, в результате сталкивались с критикой, основанной на наличии исключений. В результате наиболее многообещающими подходами оказались те, которые не отвергают исключения, но пытаются связать их с основной массой материала, в частности, путем диахронических гипотез.

Несмотря на все сказанное выше, полисинтетизм, на взгляд автора, остается лишь некоторым образом, но связано это в большой степени с методологическими проблемами, сохраняющимися в современной типологии. Так, аморфность таких базовых и особо важных для полисинтетических языков понятий, как слово⁸⁶, инкорпорация⁸⁷ и др. делает невозможным достаточно четкое сравнение разных полисинтетических языков.

- ¹ Автор признателен В.М. Алпатову и П.М. Аркадьеву, высказавшим свои замечания по предварительному варианту статьи.
- ² *Duponceau P.S.* Report of the corresponding secretary to the committee, of his progress in the investigation committed to him of the general character and forms of the languages of the American Indians // Transactions of the Historical and Literary Committee of the American Philosophical Society. Vol. 1, 1819. P. xxx. Цит. по: *Hewitt J.N.B.* 1893. Polysynthesis in the Languages of the American Indians // American Anthropologist. Vol. 6, 1893. P. 389–390.
- ³ “It is impossible to resist the impression which forces itself upon us, that we are among the aboriginal inhabitants of a *New World*. We find a *new* manner of compounding words from various roots, so as to strike the mind at once with a whole mass of ideas; a *new* manner of expressing the cases of substantives, by inflecting the verbs which govern them; a *new* number (the particular plural) applied to the declensions of nouns and conjugation of verbs; a *new* concordance in tense of the conjunction with the verb. We see not only pronouns, as in the Hebrew and some other languages, but adjectives, conjunctions, and adverbs combined with the principal part of speech and producing an immense variety of verbal forms”. Здесь и далее оригинальный текст приводится лишь тогда, когда его перевод выполнен автором этой статьи.
- ⁴ *Baker M.C.* The Atoms of Language: The Mind’s Hidden Rules of Grammar. Oxford, 2001. Русск. пер.: *Бейкер М.* Атомы языка. Грамматика в темном поле сознания. М., 2007.
- ⁵ *Foley W.A.* The Yimas Language of New Guinea. Stanford, 1991. P. 277.
- ⁶ Примеры без указания на источник взяты из полевых материалов автора.
- ⁷ “It is that in which the greatest number of ideas are expressed in the least number of words” (*Duponceau P.S.* Op. cit. P. xxx). Цит. по: *Hewitt J.N.B.* Op. cit. P. 381; *Pratt P.P.* Peter Du Ponceau’s Contributions to Anthropology // Ethnohistory. Vol. 18, 1971. P. 151.
- ⁸ “Le caractère général des langues américaines consiste en ce qu’elles réunissent un grand nombre d’idées sous la forme d’un seul mot; c’est ce qui leur a fait donner par les philologues américains le nom de langues polysynthétiques” (*Duponceau P.S.* Mémoire sur le système grammatical des langues de quelques nations indiennes de l’Amérique du Nord. Paris, 1838. P. 89). Цит. по: *Campbell L., Mithun M.* North American Indian historical linguistics in current perspective // The Languages of Native America: Historical and Comparative Assessment / Ed. by L. Campbell, M. Mithun. Austin, 1979. P. 5.
- ⁹ “...a large number of distinct ideas are amalgamated by grammatical processes and form a single word, without any morphological distinction between the formal elements in the sentence and the contents of the sentence” (*Boas F.* Introduction // Handbook of American Indian Languages / Ed. by F. Boas. Washington, 1911. P. 70).
- ¹⁰ “...various forms and inflections will express not only the principal action, but the greatest possible number of the moral ideas and physical objects connected with it” (*Duponceau P.S.* Report of the corresponding secretary to the committee, of his progress in the investigation committed to him of the general character and forms of the languages of the American Indians. P. xxxi). Цит. по: *Hewitt J.N.B.* Op. cit. P. 381; *Pratt P.P.* Op. cit. P. 151.

- ¹¹ На русском языке см., в частности: *Муравьева И.А.* Типология инкорпорации: Автореф. дис. ... д.ф.н. М., РГГУ, 2004, а также цитируемую там литературу).
- ¹² *Муравьева И.А.* О семантике инкорпорации в связи с определенностью и референтностью // *Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина* / Под ред. В.И. Беликова и др. М., 1994. С. 193.
- ¹³ См., например: *Baker M.C.* The Polysynthesis Parameter. New York, 1996; *Schuit J.* The Typological Classification of Sign Language Morphology. M.A. thesis, University of Amsterdam, 2007.
- ¹⁴ *Humboldt W. von.* Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1836. Русск. пер.: *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 37–298.
- ¹⁵ *Журинская М.А.* Типологическая классификация языков // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990. С. 511.
- ¹⁶ См.: *Mithun M.* The evolution of noun incorporation // *Language*. Vol. 60, 1984. P. 847–894; *Baker M.C.* Incorporation: A Theory of Grammatical Function Changing. Chicago, 1988; *Муравьева И.А.* О семантике инкорпорации в связи с определенностью и референтностью; *Ее же.* Типология инкорпорации; *Lander Yu.* Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases // *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels* / Ed. by F. Floricic. Lyon, 2010. P. 287–311.
- ¹⁷ См., например: *Brinton D.G.* On polysynthesis and incorporation as characteristics of American languages // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 23, No. 121, 1886. P. 59–60.
- ¹⁸ Не удивительно, что в некоторых работах как «лексические аффиксы», так и «аффиксальные глаголь» предлагается считать участниками более общего процесса инкорпорации. См., например, о западногренландском: *Sadock G.* Some notes on noun incorporation // *Language*. Vol. 62, 1986. P. 19–31; *Van Geenhoven V.* Semantic Incorporation and Indefinite Descriptions: Semantic and Syntactic Aspects of Noun Incorporation in West Greenlandic. Stanford, 1998.
- ¹⁹ *Van Geenhoven V.* Op. cit. P. 28.
- ²⁰ *Czaykowska-Higgins E.* The structure of words in Moses-Columbia Salish // *Salish languages and linguistics: theoretical and descriptive perspectives* / Ed. by E. Czaykowska-Higgins, D. Kinkade. Berlin, New York, 1998. P. 165.
- ²¹ *Sapir E.* Language: An Introduction to the Study of Speech. New York, 1921. Цит. по русск. пер.: *Сенур Э.* Язык. Введение в изучение речи // *Сенур Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 123.
- ²² “(i) the existence of complex, polymorphemic verb forms which allow, within one word unit, for components in the form of non-root bound morphemes with quite ‘lexical’ meaning or optionally for the concatenation of lexical roots; (ii) these components express several of the following categories: Event or participant classification and quantification, setting (e.g. ‘in the night’), location or direction, motion, instrument (e.g. ‘by hand’), manner (‘by pulling’, ‘quickly’), modality (including evidentiality), degree, scale (‘only’, ‘also’) and focus, chronology (e.g. ‘first’, ‘again’), as well as the usual categories such as valence, voice, central participants, tense, aspect (phase), mood, and polarity” (*Mattisen J.* The

- ontology and diachrony of polysynthesis // *Advances in the theory of the lexicon* / Ed. by D. Wunderlich. Berlin, New York, 2006. P. 291).
- ²³ Кибрик А.А. Полисинтетические языки // Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс] – 2001. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/polisinteticheskie_yaziki.html, свободный. – Загл. С экрана. – Данные соответствуют 17.06.2011.
- ²⁴ Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. С. 144.
- ²⁵ Lieber F. The plan of thought in American languages // *History and Statistics of the Indian Tribes of the United States*. Vol. 2 / Ed. by H.R. Schoolcraft. Washington, 1853. P. 346–349.
- ²⁶ Brinton D.G. Op. cit.
- ²⁷ См.: Мецанинов И.И. Члены предложения и части речи. М., Л., 1945; *Его же*. Глагол. М., Л., 1949.
- ²⁸ Мецанинов И.И. Глагол. С. 16.
- ²⁹ “...a prototypical polysynthetic language is one in which it is possible, in a single word, to use processes of morphological composition to encode information about both the predicate and all its arguments, for all major clause types [...] to a level of specificity allowing this word to serve alone as a free-standing utterance without reliance on context” (Evans N., Sasse H.-J. Introduction: problems of polysynthesis // *Problems of Polysynthesis* / Ed. by N. Evans, H.-J. Sasse. Berlin, 2002. P. 3).
- ³⁰ См.: Boeder W. *Syntax and morphology of polysynthesis in the Georgian verb* // *Problems of Polysynthesis* / Ed. by N. Evans, H.-J. Sasse. Berlin, 2002. P. 87–111.
- ³¹ Мы используем термин *индексация* (см., например: Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*. Vol. 62, 1986. P. 56–119) вместо более обычного термина *согласование*, поскольку последний предполагает формальный механизм взаимодействия предиката с актантами, в то время как для полисинтетических языков личные показатели в предикате, возможно, сами являются актантами (см. раздел 4.1).
- ³² Более того, судя по всему, полиперсонная индексация вообще превалирует в языках мира. См.: Siewierska A. Verbal person marking // *The World Atlas of Language Structures* / Ed. by M. Haspelmath et al. Oxford, 2005. P. 414–417.
- ³³ “Many of the agglutinative languages are highly polysynthetic, that is, they allow an almost indefinite number of derivative or inflectional elements to be tacked on to one word, as when Turkish *sev* “to love” forms not only the simple infinitive *sevmek*, but also such monsters as *sevifdirilememek* “not to be able to be made to love one another”” (Sweet H. *The History of Language*. 4th edition. London, 1909. P. 65–66).
- ³⁴ См., например: Sapir E. Op. cit.; Кибрик А.А. Полисинтетические языки.
- ³⁵ Greenberg J.H. A quantitative approach to the morphological typology of language // *Method and Perspective in Anthropology* / Ed. by R.F. Spencer. Minneapolis, 1954. P. 192–220. Русск. пер.: Гринберг Дж. 1963. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // *Новое в лингвистике*. Вып. 3. М., 1963. С. 60–94.
- ³⁶ “languages which show high number of morphemes per word”; см.: Mithun M. *The Languages of Native North America*. Cambridge, 1999. P. 38.
- ³⁷ Кибрик А.А. Полисинтетические языки.
- ³⁸ Герасимов Д.В., Ландер Ю.А. Вариативность и адыгейский язык (особенно-

- сти полевой работы в условиях полисинтетизма) // II Международный симпозиум по полевой лингвистике. Материалы / Под ред. М.Е. Алексеева и др. М., 2006. С. 39-43.
- ³⁹ См., например: *Schuit J.* Op. cit.
- ⁴⁰ Под канонической агглютинацией здесь понимается выполнение следующих требований: четкие морфемные швы, отсутствие морфонологически не обусловленного алломорфизма, отсутствие кумулятивных морфем (морфем, выражающих одновременно несколько разных грамматических значений). См., в частности: *Plungian V.A.* Agglutination and flexion // *Language Typology and Linguistic Universals. An International Handbook* / Ed. by M. Haspelmath et al. Berlin, New York, 2001. P. 660–678.
- ⁴¹ См., например: *Rice K.* Morpheme Order and Semantic Scope: Word Formation in the Athapaskan Verb. Cambridge, 2000. P. 13–14.
- ⁴² См.: *Nichols J.* Op. cit.
- ⁴³ Ibid. P. 88.
- ⁴⁴ Ср.: *Fortescue M.* The typological position and theoretical status of polysynthesis // *Tidsskrift for Sprogforskning*. Vol. 5, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ojs.statsbiblioteket.dk/index.php/tfs/issue/view/38>, свободный. Загл. С экрана. Данные соответствуют 17.06.2011.
- ⁴⁵ *Baker M.C.* The Polysynthesis Parameter; *Кибрик А.А.* Полисинтетические языки.
- ⁴⁶ *Evans N.* Multiple case in Kayardild: Anti-iconic suffix ordering and the diachronic filter // *Double case: agreement by Suffixaufnahme* / Ed. by F. Plank. Oxford, 1995. P. 400.
- ⁴⁷ См.: *Jelinek E.* ‘Headless’ relatives and pronominal arguments: a typological perspective // *Native American Languages and Grammatical Typology* / Ed. by P.D. Kroeber, R.D. Moore. Bloomington, 1987. P. 136–148; *Kibrik A.A.* Relativization in polysynthetic languages // *International Journal of American Linguistics*. Vol. 58, 1992. P. 135-157.
- ⁴⁸ См., например: *Van Valin R.D., Jr.* Case marking and the structure of the Lakhota clause // *Grammar Inside and Outside the Clause* / Ed. by J. Nichols, A.C. Woodbury. Cambridge, 1985. P. 363–413; *Willie M.A., Jelinek E.* Navajo as a discourse configurational language // *The Athabaskan Language: Perspectives on a Native American Language Family* / Ed. by T.B. Fernald, P.R. Platero. Oxford, 2000. P. 252–287; *Тестелец Я.Г.* Невыраженные актанты в полипредикативной конструкции // *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка* / Под ред Я.Г. Тестельца и др. М.: 2009. С. 654–711.
- ⁴⁹ См., например: *Foley W.A.* Op. cit. P. 228.
- ⁵⁰ *von Humboldt W.* Op. cit.
- ⁵¹ *Van Valin R.D., Jr.* Op. cit.; *Его же.* The Role of Government in the Grammar of Head-Marking Languages // *International Journal of American Linguistics*. Vol. 53, 1987. P. 371-397.
- ⁵² *Hale K.* Warlpiri and the grammar of non-configurational languages // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 1, 1983. P. 5–47.
- ⁵³ *Jelinek E.* Empty categories, case, and configurationality // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 2, 1984. P. 39–76.
- ⁵⁴ Идея Джелинек для австралийских языков позже была опровергнута Дж. Бреснан и П. Остином, указавшими на нестрогость выведенных Джелинек корреляций (см.: *Austin P., Bresnan J.* Non-configurationality in Australian aboriginal languages // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 14, 1996.

- Р. 215–268). Любопытно при этом, что сама Бреснан являлась соавтором статьи, выдвигавшей идею, аналогичную теории Джелинек, для некоторых языков банту (*Bresnan J., Mchombo S.A.* Topic, pronoun, and agreement in Chichewa // *Language*. Vol. 63, 1987. P. 741–782).
- ⁵⁵ См.: *Jelinek E.* 'Headless' relatives and pronominal arguments: a typological perspective; *Его же.* Quantification in Straits Salish // *Quantification in Natural Languages* / Ed. by E. Bach et al.. Dordrecht, 1995. P. 487–540; *Jelinek E., Demers R.A.* Predicates and pronominal arguments in Straits Salish // *Language*. Vol. 70, 1994. P. 697–736; *Willie M.A., Jelinek E.* Op. cit.
- ⁵⁶ См., например: *Faltz L.M.* Towards a typology of natural logic // *Quantification in Natural Languages* / Ed. by E. Bach et al.. Dordrecht, 1995. P. 271–319; *Eadem.* The Navajo Verb: A Grammar for Students and Scholars. Albuquerque, 1998; *Hale K.* On the significance of Eloise Jelinek's Pronominal Argument Hypothesis // *Formal Approaches to Function in Grammar* / Ed. by Carnie A. et al. Amsterdam, Philadelphia, 2003. P. 11–43.
- ⁵⁷ *Baker M.C.* Incorporation: A Theory of Grammatical Function Changing.
- ⁵⁸ *Baker M.C.* The Polysynthesis Parameter.
- ⁵⁹ Ср.: *Fortescue M.* The typological position and theoretical status of polysynthesis.
- ⁶⁰ См., например: *MacSwan J.* The argument status of NPs in Southeast Puebla Nahuatl: Comments on the Polysynthesis Parameter. *Southwest Journal of Linguistics*. Vol. 17, 1999. P. 101–114; *Spencer A.* Chukchee and Polysynthesis // *Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика* / Под ред. Я.Г. Тестельца, Е.В. Рахилиной. М., 1999. С. 106–113; *Nordlinger R., Saulwick A.* Infinitives in polysynthesis: The case of Rembarrnga // *Problems of Polysynthesis* / Ed. by N. Evans, H.-J. Sasse. Berlin, 2002. P. 185–201; *Evans N.* Who said polysynthetic languages avoid subordination? Multiple subordination strategies in Dalabon // *Australian Journal of Linguistics*. Vol. 26, 2006. P. 31–58; *Saulwick A.* Rembarrnga polysynthesis in cross-linguistic perspective // *New Challenges in Typology: Broadening the Horizons and Redefining the Foundations* / Ed. by M. Miestramo. Berlin, New York, 2007. P. 104–125.
- ⁶¹ *Evans N.* Why pronominal prefixes are not pronouns: evidence from Mayali // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Bd. 52, 1999. S. 255–281.
- ⁶² Ср.: *Corbett G.G.* Agreement. Cambridge, 2006. P. 99ff.
- ⁶³ См., например: *Кумахов М.А.* Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. Часть I. Нальчик, 1964. С. 20; *Его же.* Дистрибутивный анализ полисинтетического комплекса // *Вопросы языкознания*. 1965. № 5. С. 112–117. Обсуждение истории вопроса см. также в: *Rice K.* Op. cit. Ch. 2. В отечественной традиции данный подход именуется «грамматикой порядков» (*Ревзин И.И., Юлдашева Г.Г.* Грамматика порядков и ее использование // *Вопросы языкознания*. 1969. № 1. С. 42–56) и восходит к трудам Н.Ф. Яковлева по полисинтетическим абхазо-адыгским языкам (см., например: *Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А.* Грамматика адыгейского литературного языка. М., Л., 1941). Существуют и другие наименования этого подхода к описанию порядка морфем: дистрибутивный анализ, методика порядкового членения, анализ ранговой структуры морфем (*Асиновский А.С., Володин А.П., Головкин Е.В.* О соотношении экспонента морфемы и ее позиции в словоформе // *Вопросы языкознания*. 1987. № 5. С. 40).
- ⁶⁴ *Stump G.T.* Template morphology // *The Encyclopedia of Language and Linguis-*

- tics / Ed. by K. Brown. Vol. 12. Oxford, 2006. P. 559; *Manova S., Aronoff M.* Modeling affix order // *Morphology*. Vol. 20, 2010. P. 112.
- ⁶⁵ См., например, обоснование в: *Nordlinger R.* Verbal morphology in Murrinh-Patha: evidence for templates // *Morphology*. Vol. 20, 2010. P. 321–341.
- ⁶⁶ Примечательно, что лексикография и составление словарей до сих пор остаются «головной болью» исследователей полисинтетических языков; ср.: *Sasse H.-J.* Lexicological and lexicographic problems of word families in Cayuga // *Problems of Polysynthesis* / Ed. by N. Evans, H.-J. Sasse. Berlin, 2002. P. 203–221.
- ⁶⁷ *Muysken P.* Approaches to affix order // *Linguistics*. Vol. 24, 1986. P. 629–643; *Ego же.* Affix order and interpretation: Quechua // *Morphology and Modularity* / Ed. by M. Everaert et al. Dordrecht, 1988. P. 259–279.
- ⁶⁸ *Muysken P.* Approaches to affix order. P. 636.
- ⁶⁹ *Rice K.* Op. cit.
- ⁷⁰ См. обсуждение в: *Kibrik A.A.* Inflection versus derivation and the template for Athabaskan verb morphology // *Proceedings of the 2005 Athabaskan Languages Conference* / Ed. by S. Gessner. Fairbanks, 2005. P. 67–94.
- ⁷¹ См., например: *de Reuse W.J.* Polysynthesis as a typological feature. An attempt at a characterization from Eskimo and Athabaskan perspectives // *Variations on Polysynthesis: the Eskaleut Languages* / Ed. by M.-A. Mahieu, N. Ter-sis. Amsterdam, Philadelphia, 2009. P. 19–34; *Holton G.* The Phonology and Morphology of the Tanacross Athabaskan Language. Ph.D. diss. University of California, Santa Barbara, 2000.
- ⁷² *de Reuse W.J.* Polysynthetic language: Central Siberian Yupik // *The Encyclopedia of Language and Linguistics* / Ed. by K. Brown. Vol. 9. Oxford, 2006. P. 745–748. См. также: *Ego же.* Polysynthesis as a typological feature. An attempt at a characterization from Eskimo and Athabaskan perspectives.
- ⁷³ См., однако: *Lander Yu., Letuchiy A.* Kinds of recursion in Adyghe morphology // *Recursion and Human Language* / Ed. by H. van de Hulst. Berlin, New York, 2010. P. 263–284. В этой статье как раз на примере рекурсивности было показано, что даже такие возможности полисинтетической морфологии не обязательно делают ее равносильной синтаксису.
- ⁷⁴ См., например, для адыгейского языка: *Korotkova N., Lander Yu.* Deriving affix ordering in polysynthesis: Evidence from Adyghe // *Morphology*. Vol. 20, 2010. P. 299–319.
- ⁷⁵ *Baker M.C.* Incorporation: A Theory of Grammatical Function Changing; *Idem.* The Polysynthesis Parameter. P. 34.
- ⁷⁶ *de Reuse W.J.* Polysynthesis as a typological feature. An attempt at a characterization from Eskimo and Athabaskan perspectives. P. 31.
- ⁷⁷ Ср.: *Chafe W.L.* Meaning and the Structure of Language. Chicago, London, 1971. Русск. пер.: *Чейф У.Л.* Значение и структура языка. М., 1975. С. 49. Интересно, что сходная точка зрения выражалась еще в 1886 г. Дэниэлом Бринтоном, который описывал как принципиальное отличие полисинтетических языков от (прочих) агглютинативных языков то, что при полисинтетизме морфологические средства предназначены для того, чтобы формировать не «единую» идею, а пропозицию (см.: *Brinton D.G.* Op. cit. P. 61).
- ⁷⁸ *Fortescue M.* Polysynthetic Morphology // *Encyclopedia of Language and Linguistics* / Ed. by R.E. Asher et al. Oxford, 1994. P. 2601–2602.
- ⁷⁹ *Arkadiev P.M.* Grammaticalization of polysynthesis (with special reference to

Ю.А. Ландер

- Spoken French) // Четвертая типологическая школа / Под ред. В.И. Подлеской. М., 2005. С. 17–20.
- ⁸⁰ Charitonidis C. Polysynthetic tendencies in Modern Greek // *Linguistik Online*. Bd. 34, 2008. S. 17–40.
- ⁸¹ См.: Schuit J. Op. cit. P. 4, где приводится ссылка на статью: Bellugi U., Klima E.S. The acquisition of three morphological systems in American Sign Language // *Papers and Reports on Child Language Development*. Vol. 21, 1982. P. 1–35.
- ⁸² В отдельных работах, посвященных диахронии полисинтетизма в настоящее время активно обсуждается гипотеза о возникновении полисинтетического типа (по крайней мере в отдельных семьях) из своего антипода – аналитического типа с минимальной степенью синтеза; см., например, об абхазо-адыгских языках: Chirikba V.A. Reconstructing proto-West Caucasian: From North Caucasian to West Caucasian via “Chinese”? Forthcoming.
- ⁸³ Fortescue M. Polysynthetic Morphology; *Его же*. The typological position and theoretical status of polysynthesis.
- ⁸⁴ Mattisen J. Dependent-Head Synthesis in Nivkh. A Contribution to a Typology of Polysynthesis. Amsterdam, Philadelphia, 2003; *Idem*. The missing link between different types of polysynthetic languages // *Chicago Linguistic Society* 38. Vol. II. Chicago, 2004. P. 386–399; *Idem*. A structural typology of polysynthesis // *Word*. Vol. 55, 2004. P. 189–216; *Idem*. The ontology and diachrony of polysynthesis.
- ⁸⁵ Hewitt J.N.B. Op. cit.
- ⁸⁶ См. обсуждение в: Dixon R.M.W., Aikhenvald A.Y. Word: a typological framework // *Word: A Cross-Linguistic Typology* / Ed. by R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald. Cambridge, 2003. P. 1–4; Haspelmath M. The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax // *Folia Linguistica*. Vol. 45, forthcoming.
- ⁸⁷ См.: Mithun M. The evolution of noun incorporation; Baker M.C. Incorporation: A Theory of Grammatical Function Changing; Муравьева И.А. Типология инкорпорации; Lander Yu. Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases.

Приложение

Список сокращений

ABL – аблатив; ABS – абсолютивный актанта / падеж; CAUS – каузатив; CTRL – контролируемость; DIR – директив; GEN – генитив; HUM – одушевленность; IND – индикатив; INS – инструментальный показатель; IO – не прямой объект; LAT – латив; LOC – локативный показатель; M – мужской род; NIGHT – ночное время; O – объект; PAUC – паукальное число; PL – множественное число; POSS – possessивный показатель; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; Q – вопрос; RE – рефактив/реверсив; REC – реципрок; REF – рефлексив; REL – релятивный показатель; REMOTE.PST – отдаленное прошедшее время; S – субъект; SEQ – последовательность событий; SG – единственное число; TR – переходность.